



Сергей Свой

**Пирр. Внук
Ахилла. Сын
спецназа**

18+

Сергей Свой

Пирр. Внук Ахилла. Сын спецназа

«Автор»

2026

Свой С.

Пирр. Внук Ахилла. Сын спецназа / С. Свой — «Автор», 2026

Он не проиграл ни одного сражения. Но вошел в историю как царь, чье имя стало символом "пустой" победы. Пирр Эпирский, потомок Ахилла, гений войны и вечный неудачник в большой политике. Все меняется, когда в его тело, оглушенное ударом, влетит сознание российского офицера спецназа. Теперь "пиррова победа" обретает новый смысл. Потому что "сын спецназа" не умеет проигрывать. Он докажет это. Даже если для этого придется сжечь Рим. P.S. Для "исторически подкованных" читателей - это фантастика, мистика ну да всё что угодно, только не реальные события. Хотя ... как знать, как знать)))

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Свой

Пирр. Внук Ахилла. Сын спецназа

Глава 1

Позывной «Пирр» я взял сам.

На втором курсе Рязанского училища, когда заполняли анкеты для распределения в ГРУ, ротный спросил: «Как в эфире будешь?».

Я сказал.

Он хмыкнул: «Это который «пиррова победа»? Проигравший, что ли?»

— Никак нет, товарищ подполковник. Который не проиграл ни одного сражения. Просто выигрывать не умел стратегически. Я научусь.

Ротный усмехнулся, но позывной приклеился. Восемь лет, три Сирии, полгода СВО. Привык. Даже нравилось.

Пирр — «Огненный». По цвету волос, говорят, древние так обзывали. У меня своих уже почти не осталось, под ноль стригусь, но суть не в этом.

Суть в том, что Пирр Эпирский — единственный из древних, кто мне реально был интересен. Александр — гений, да. Ганнибал — красавчик. Цезарь — менеджер, организатор. А Пирр — воин. Чистый, без примесей. Внук Ахилла по прямой линии. Его дед Неоптолем, сын Ахилла, разнес Трои так, что камня на камне не оставил. И Пирр в деда пошел — такой же бешеный в бою, такой же неуступчивый. Не проиграл ни одного сражения, но в историю вошел как лох, который побеждал себе в убыток. Обидно. Несправедливо.

Я лежал за бруствером и думал об этом. Глупо, конечно. Посреди войны думать о царе, который умер три тысячи лет назад. Но когда полчаса назад отработал корректировку и «Стрелка» на том берегу накрыли наши «Гиацинты», можно было позволить себе расслабиться.

Я снял шлем, вытер пот грязной рукой. Достал флягу.

Свист услышал сразу.

Не тот, предупреждающий, далекий. А тот, последний, от которого нет спасения. «Три топора»? Сброс с дрона? Какая разница.

Я еще успел увидеть, как командир взвода, «Беркут», открывает рот в крике. Как «Студент» пригибается к земле, закрывая голову руками. А потом — свет.

Ослепительный, белый, всепроникающий. Который не оставляет теней.

И боль. Не та, когда режет или ломает, а когда тебя просто стирают. Разбирают на атомы. Взрывной волной швырнуло, перекутило, как тряпичную куклу.

Я еще успел подумать: «Где же ты, броня, мать твою...»

А потом темнота.

Темнота была странная. Не пустая. Гудела. В ней плыли обрывки мыслей, лиц, имен. Мать. Отец. Школа. Первая любовь. Училище. Сирия. Беркут. Студент.

И поверх всего этого, как наложение кадров в старом кино, поплыло другое. Чужие воспоминания.

Каменистые горы. Блеск моря. Лагерь воинов в кожаных доспехах. Речь на непонятном, но почему-то родном языке. И имя, которое билось в висках, как набат.

Пирр.

Я — Пирр. Но я и есть Пирр... какой же я Пирр?

Сознание схлопнулось в точку. А потом точку взорвало обратно.

Я открыл глаза.

Первое, что я увидел, — деревянный потолок. Грубо тесаные балки, между ними пучки сухой травы. Пахло дымом, овечьей шерстью и еще чем-то кислым, невымытым телом. Резко, остро, непривычно.

«Блиндаж, — подумал я. — Отрыли нормально. Но почему потолок деревянный? Нас же накрыло...»

Попытался пошевелиться. И понял, что не могу. Тело было ватным, чужим. Я ощущал его каждый миллиметр — и это были не мои мышцы. Руки — тяжелее, шире в кости. Грудь — будто стальным обручем стянута. Голова — чугунная, гудит.

А потом пришла память.

Она ворвалась не постепенно, а ударом, как тот самый снаряд.

Детство. Отец Эакид, царь Эпира. Мне два года, меня передают с рук на руки через бурную реку — чужие воины спасают от заговора. Царь Главкий в Иллирии, который вырастил меня как сына. Юность. Возвращение в Эпир. Борьба за власть. Деметрий Полиоркет — друг и враг. Македония. Фессалия. Бой. Кровь. Победа. Поражение.

И имя, которое я носил с гордостью. Пирр. «Огненный», «Рыжий» — за цвет волос.

Я открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался только сиплый хрип. Зашарил рукой по лицу. Волосы. Длинные, жесткие, сбившиеся в колтуны. Борода. Я никогда не носил бороду.

— А-а-а... — выдохнул я.

Голос был низкий, гортанный. Чужой.

«Сон. Бред. Контузия. Меня контузило, я в госпитале, это все глюки».

Зажмурился изо всех сил. Сжал веки так, что в глазах вспыхнули искры.

Открыл.

Потолок не изменился.

Тогда я сел. Рывком, на одном адреналине, хотя все тело взвыло от боли. Осмотрелся.

Я лежал на куче шкур. Рядом стоял грубый деревянный стол, на нем — глиняная миска с остатками каши, деревянная кружка. У стены — кожаные доспехи на подставке, шлем с высоким гребнем, меч в ножнах — прямой, обоюдоострый. На полу — щит, обтянутый кожей, с бронзовым умбоном.

И тишина. Только потрескивает факел в держателе на стене.

Я посмотрел на свои руки. Большие, мозолистые, в шрамах. На указательном пальце правой — старый, давний шрам, еще с детства, когда на нож напоролся. Я помнил, как это было. Мне восемь лет, я учусь владеть мечом, наставник...

Стоп.

Откуда я это помню? Я никогда не учился владеть мечом. У меня нож, автомат, снайперская винтовка. А это — не мои воспоминания.

Я сжал голову руками. В висках пульсировало, перед глазамиплыли два слоя реальности. Я помнил свою мать — и одновременно помнил мать Пирра, Фтию, которая умерла, когда мне было десять. Я помнил Рязань, казарму, запах солянки и портянок — и помнил горы Эпира, запах моря и овечьих отар.

— Твою мать, — прошептал я на русском.

И тут же услышал эхо этого шепота в чужой памяти. Пирр не знал такого языка. Но я знал.

Дверь — тяжелая, деревянная, обитая бронзой — приоткрылась. Я дернулся, инстинктивно ища оружие. Рука метнулась к поясу — пусто.

В проеме показалось лицо. Мужчина, лет сорока, с короткой стрижкой, в кожаном панцире, с мечом на боку. Увидел меня, сидящего на шкурах, и лицо его осветилось радостью.

— Царь! — выдохнул он. — Очнулся! Клянусь Зевсом, очнулся!

Он обернулся в коридор и заорал:

— Эй! Кто там! Царь очнулся! Бегом за врачом! Гефест! Кина! Царь жив!

Царь.

Он назвал меня царем.

Я смотрел на него, и в голове всплыло имя. Это Киней. Фессалиец, советник Пирра, человек, которого царь отправлял послом к разным правителям — потому что Киней умел говорить так, что убеждал даже врагов. Умный, хитрый, преданный.

— Киней... — сказал я.

Голос прозвучал хрипло, но имя я произнес правильно. На греческом.

Киней подскочил ко мне, опустился на колени, схватил мою руку.

— Я здесь, царь. Я здесь. Ты как? Помнишь ли, что случилось?

Я напряг память. Чужую память.

Битва при Гераклее. Только что отгремела. Римляне — проклятые римляне — лезли как бешеные. Мои слоны их испугали, но не остановили. Мы победили. Но какой ценой...

— Помню, — сказал я. — Римляне.

Киней кивнул, и в глазах его блеснула влага.

— Ты был в самой гуще. Копье попало в шлем, ты упал с коня. Мы уж думали... Врачеватель сказал, удар был сильный, мог раздробить голову. Ты не дышал почти, мы уж и факелы приготовили...

Он сжал мою руку сильнее.

— А ты жив. Боги тебя хранят, царь. Сам Ахилл, дед твой, заслонила тебя своим щитом.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри все переворачивается.

Ахилл. Дед.

Для него это не метафора. Для этих людей Ахилл — реальный предок, божественный пращур, который вмешивается в дела потомков. Они верят в это так же свято, как я верил в автомат Калашникова.

А для меня? Для меня Ахилл был героем книжек, которые я читал в детстве. «Илиада» в переводе Гнедича — тяжелая, как кирпич, с длинными строками. Я продирался через нее в училище, когда другие девки клеили. Потому что Пирр. Потому что интересно.

И теперь я — его внук.

Не в переносном смысле. Буквально. Потому что дед Пирра — Неоптолем, сын Ахилла, тот самый, который зарубил царя Приама у алтаря Зевса, когда Трои брали.

Вот это родословная.

— Киней, — сказал я, — дай воды.

Он метнулся к столу, схватил кружку. Я взял, отпил. Вода была теплая, отдавала глиной и чуть-чуть — вином, наверное, разбавляли для вкуса.

— Где мы? — спросил я.

— В Таренте, царь. В доме, который дал нам Милон. Ты помнишь? Мы пришли сюда по зову тарентинцев, они просили защиты от римлян.

Я помнил. Тарент — греческий город в Италии. Они позвали Пирра воевать с Римом. Предложили деньги, корабли, воинов. Пирр согласился — потому что хотел создать свою империю на западе, как Александр создал на востоке.

И приперся в Италию с армией и слонами.

— Римляне? — спросил я. — Что с ними?

Киней усмехнулся — горько так, по-стариковски.

— Бежали. Как зайцы. Твои слоны их разметали, конница добила. Лагерь их мы взяли. Консул Валерий еле ноги унес.

— А наши потери?

Киней помолчал.

— Большие, царь. Очень большие. Пехота пострадала — римляне дрались как звери. Легионеры у них... они не греки. Они не бегут. Их нужно убивать до последнего, иначе они убьют тебя.

Я кивнул. Это я и без чужой памяти знал. Римские легионы — это машина. Тупая, железная, безжалостная машина.

— Сколько? — спросил я.

— Тысяч четыре, — тихо сказал Киней. — Может, пять. Точнее еще считают.

У меня внутри все оборвалось. Четыре тысячи. За одну битву. При том, что армия Пирра — не миллионная орда персов, а профессиональное войско, каждого бойца растили годами.

— А римлян?

— Тысяч семь, — ответил Киней. — Может, восемь. Мы победили, царь. Славная победа.

Славная победа.

Я закрыл глаза.

Вот она. Та самая «пиррова победа», о которой я читал в учебниках. Выиграть битву — и потерять столько людей, что вторая такая же оставит без армии.

И теперь это моя армия. Мои люди. Моя война.

— Киней, — сказал я, открывая глаза. — Слушай меня внимательно.

Он подался вперед.

— Никаких переговоров с Римом. Никаких посольств с предложениями мира. Ты понял?

Киней удивленно моргнул.

— Но, царь... ты же сам хотел. Ты говорил, что после такой победы они запросят мира на наших условиях.

— Я передумал.

Я смотрел ему в глаза. В голове крутилось: «Не показывать слабость. Не показывать, что ты не в себе. Царь должен быть царем».

— Римляне не запросят мира, — сказал я. — Они придут снова. У них людей — тьма. Италия огромна, каждый сабинянин, каждый латин, каждый, кто носит имя римлянина, возьмет меч, если мы дадим им время. Поэтому времени мы им не дадим.

— Что ты хочешь делать? — осторожно спросил Киней.

— Идти на Рим.

Киней открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл.

— Царь... это безумие. У нас нет сил для осады. У нас нет продовольствия на долгий поход. Нам нужно...

— Нужно ударить, пока они не опомнились, — перебил я. — Не осаждать. Идти быстро, легким отрядом, на плечах бегущих. Ворваться в город, пока они не закрыли ворота.

Я говорил и сам не верил, что это говорю. Это была не тактика античности. Это была тактика спецназа. Рейд. Глубокий, дерзкий, наглый рейд в тыл противника, пока он не очухался после разгрома.

Но Киней смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Царь... Рим — это не лагерь. Это город. Стены. Граждане, которые будут драться за каждый дом. У нас нет стенобитных машин, у нас нет...

— Будут, — сказал я.

Я не знал, откуда во мне эта уверенность. Но она была.

В дверь постучали. Киней встал, открыл. Вошли трое.

Я узнал их сразу, как только память Пирра подсказала имена.

Гефест — пожилой, кривой на один глаз, начальник царской гвардии. Ветеран, прошедший с Пирром все войны. Лицо в шрамах, рука на перевязи — тоже сегодня досталось.

Милон — тарентинец, хозяин дома, богатый купец, который уговорил Пирра прийти в Италию. Лысый, улыбчивый, хитрый, как сто греков вместе взятых.

И врачеватель — сухой старик с длинной седой бородой, в грязном хитоне, с сумкой через плечо. Имени его память Пирра не сохранила — просто «врачеватель», их при царе менялось много.

Гефест подошел первым. Опустился на колено, взял мою руку, прижался лбом.

— Царь... — голос у него дрогнул. — Думали, потеряли тебя. Думали, все...

— Я здесь, Гефест, — сказал я. — Вставай.

Он поднялся, и я увидел в его глазах слезы. Мужик пятидесяти лет, битый, стреляный, плакал, как ребенок. От радости.

Милон подошел следом, поклонился.

— Боги услышали наши молитвы, царь. Тарент ликует. Твоя победа при Гераклее — величайшая победа греков над варварами за сто лет.

— Это не победа, — сказал я. — Это начало.

Милон удивленно поднял бровь.

— Мы поговорим об этом позже, — добавил я. — Сейчас — дайте мне прийти в себя.

Врачеватель подошел, бесцеремонно отодвинул Милона плечом.

— Дай посмотрю.

Он ощупал мою голову, заглянул в зрачки, пощупал пульс на шее. Потом отстранился.

— Сильный удар. Кровь под кожей, но череп цел. Зрачки... странно, не расширены. Должен быть мертв или в беспамятстве, а сидит, разговаривает. Чудо.

— Я же говорил — Ахилл защитил, — вставил Киней.

— Ахилл там или не Ахилл, — буркнул врачеватель, — но дня три ему лежать. Никаких дел, никаких разговоров. Только покой и сон.

Он повернулся ко мне.

— Ты понял, царь? Если встанешь раньше — кровь ударит в голову, и тогда точно конец.

Я кивнул.

— Понял.

Врачеватель еще раз оглядел меня, что-то пробормотал и отошел к столу — смешивать свои снадобья.

Киней снова подошел ближе.

— Царь... я должен спросить.

— Спрашивай.

Он помялся.

— Ты... ты точно помнишь все? После таких ударов люди иногда... ну... говорят не то. Делают не то.

Я посмотрел ему в глаза. Он проверял. Осторожно, мягко, но проверял.

— Помню, — сказал я. — Ты Киней, фессалиец. Твой отец был кожевником в Лариссе, ты учился в Афинах, у самого Демосфена. Я посылал тебя к Деметрию, к Птолемею, к царю Македонии. Ты никогда не подводил меня. И сейчас не подведешь.

Киней выдохнул.

— Прости, царь. Прости. Я должен был спросить.

— Правильно сделал.

Гефест шагнул вперед.

— Царь, люди хотят тебя видеть. Воины. Они не верят, что ты жив. Им нужно увидеть тебя своими глазами.

Я покачал головой.

— Не сейчас. Передай — я жив, я приду. Скажи... скажи, что Пирр еще повоюет. Что римляне еще пожалеют, что перешли дорогу внуку Ахилла.

Гефест кивнул и вышел. Милон замялся, потом тоже поклонился и ушел. Врачеватель оставил на столе какую-то склянку, буркнул «пить на ночь» и тоже исчез.

Остался только Киней.

Он стоял у двери и смотрел на меня.

— Что-то еще? — спросил я.

— Ты изменился, царь.

— Удар по голове.

— Не только. Раньше ты... раньше ты был горячим. Вскакивал, хватался за меч, кричал. А сейчас сидишь тихо и смотришь так... будто видишь что-то, чего другие не видят.

Я усмехнулся.

— Может, и вижу.

Киней помолчал.

— Ты действительно хочешь идти на Рим? Сразу? Сейчас?

— Да.

— Это безумие.

— Это война.

Он вздохнул.

— Хорошо. Я поговорю с командирами. Но они будут против. Им нужен отдых, добыча, женщины. Они хотят пировать в Таренте, а не умирать под римскими стенами.

— Они получают и то, и другое, — сказал я. — Но сначала — Рим.

Киней покачал головой, но спорить не стал. Вышел, прикрыл дверь.

Я остался один.

Сидел на вонючих шкурах, смотрел на свои чужие руки и пытался осознать, что, мать его, происходит.

Я погиб на СВО. Это факт. Тот снаряд, тот свет — это смерть. Я не выжил. Меня разобало на куски где-то под Кременной или под Угледаром — какая разница.

Но я здесь.

В теле человека, который умер три тысячи лет назад. Который только что выиграл битву, но потерял кучу народу. Который собирается воевать с Римом — и, если верить истории, проиграет эту войну, хотя не проиграет ни одного сражения.

Хрен там.

Я поднял руку, сжал кулак. Сила в теле была — звериная. Пирр тренировался всю жизнь, это вам не офисный планктон. Я чувствовал каждый мускул, каждое сухожилие. Это тело умело убивать. И память Пирра умела убивать — мечом, копьём, кинжалом, голыми руками.

А моя память умела убивать и по-другому. Автомат, снайперка, гранатомет. Минометы. БпЛА. Тактика малых групп. Засады. Диверсии. Подрывное дело.

Если соединить это...

Я усмехнулся.

Римляне, вы даже не знаете, что на вас идет.

Я лег на спину, закрыл глаза. Голова гудела, но мысли были ясные, как бетон.

Первое — не спалиться. Никто не должен знать, что царь Пирр — уже не совсем Пирр. Для них я — прежний. Огненный, бешеный, бесстрашный.

Второе — армия. Нужно оценить, что осталось от войска. Сколько бойцов, какое оружие, какая дисциплина. И нужно срочно менять тактику. Римляне сильны в лобовых столкновениях? Значит, не давать им лобовых. Биты оттуда, откуда не ждут. Ночью. Из засад. Резать обозы, жечь склады, убивать командиров.

Третье — союзники. Тарент, греческие города Италии, самниты, луканы — все они ненавидят Рим. Их можно поднять. Можно создать коалицию. Но для этого нужно не выглядеть чокнутым.

Четвертое — оружие. Порох. Я не химик, но базовые вещи помню. Селитра, сера, уголь. Смешать в правильной пропорции. Если найду мастеров, которые смогут отлить стволы...

Я заснул, не договорив мысль.

Снилась Рязань. Снег, казарма, запах махорки. А потом снились горы Эпира и рев слонов.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо.

— Царь! Царь, проснись!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Киней. Лицо бледное, встревоженное.

— Что?

— Гонцы из города. Римляне... они не бежали. Они собирают новую армию. Два консула, восемь легионов. Идут на нас.

Я сел.

— Когда будут?

— Через неделю. Может, раньше.

Я усмехнулся. Восемь легионов. Это тысяч сорок, если не больше. Против моего войска — тысяч пятнадцать, израненных, уставших.

— Киней, — сказал я. — Зови командиров. Всех. Через час.

— Что ты задумал?

— Я же сказал. Идем на Рим.

Киней открыл рот, чтобы возразить, но я поднял руку.

— Не спорь. Иди.

Он вышел.

Я встал. Голова кружилась, ноги подкашивались, но я устоял. Подошел к стене, снял доспехи. Кожаные, тяжелые, пахнут потом и кровью. Потрогал меч. Пальцы сами нашли рукоять, сжали. Память Пирра подсказала — хороший меч, спартанский, острее бритвы.

Я посмотрел на свое отражение в бронзовом щите.

Из щита на меня смотрел чужой человек. Лет тридцати пяти, рыжий, бородатый, со шрамом на скуле. Глаза — серые, холодные, мои.

— Ну что, Пирр, — сказал я своему отражению. — Внук Ахилла, мать твою. Сын спецназа. Покажем этим римлянам, что такое настоящая война?

Отражение молчало.

Я улыбнулся.

— То-то же.

Глава 2

Рим.

Я вышел во двор.

Голова гудела, но держаться прямо я мог. Кожаные доспехи непривыч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.